

ИННА БАЛТИЙСКАЯ

Маска Красной смерти

Инна Балтийская

Маска красной смерти

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Во время прямого эфира популярному ди-джею становится плохо. Кровь сочится у него из носа, из ладоней, словно язвами покрывается лицо, затем он падает на пол и умирает.

Но это только начало череды странных смертей, превращающих лица в окровавленные маски. Девушки в городе погибают от неизвестной болезни, на их коже перед смертью выступает кровь, как при геморрагической лихорадке. Что это, вирус Эбола или другой, не менее опасный вирус? И грозит ли городу эпидемия? Журналисты Лена и Митяй, как обычно, готовы рискнуть собой, чтобы узнать правду.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Инна Балтийская

Маска красной смерти

Глава 1

Как назло, обычно вялые радиослушатели в этот день звонили в эфир десятками. Операторы не успевали снимать трубки, соединение постоянно срывалось, но страждущие перезванивали, грубили операторам, требуя немедленно выпустить их в прямой эфир. Каждый желал немедленно рассказать свой анекдот.

– Маньяк отравил цианистым калием крупные денежные купюры и пожертвовал их детскому дому. Отравились...

– Двадцать депутатов и один мэр. – машинально закончил Горолюб, вытирая со лба внезапно выступивший пот.

Вот уже второй день его бросало из жара в холод, руки тряслись, как после запоя, но причину он не понимал. Не пил вот уже больше месяца, курить бросил давно... От гриппа все это бы не спасло, но температуры у него тоже не было. Надо бы сходить к врачу, но где найти время? Его день был расписан не то что по минутам – буквально по секундам. Он много лет стремился именно к этому – собственная передача на телевидении, радиоэфир с самым высоким рейтингом, а главное – чтобы к его имени не надо было ничего прибав-

лять. Роман Горолюб, и точка. Местная знаменитость. Правда, весьма крупная знаменитость, плотная, так сказать. Он шутил, что хорошего человека должно быть много, и пока он влезает в телекамеру, все в порядке, но в душе считал, что проклятый жир – его злейший враг. Именно он не дает пролезть в игольное ушко жесткого кастинга на центральное ТВ, которое ведет к настоящей, всероссийской славе.

Но потерять нынешнюю, городскую популярность он не мог. Стоит пропустить один эфир, пойти к врачу – и город наполнится слухами. Нехорошими слухами, что сдает старый толстый Ромка, болеет, надо замену ему искать. И ведь найдет ему замену начальник. Недаром своего племянника на радио привел, посадил пока новости читать, но это пока. Стоит кому-то из именитых ослабеть, мигом сожрет. Нет, надо взять себя в руки, дотянуть сутки до выходных.

Передача «Расскажи анекдот Горолюб» никак не заканчивалась, а голова болела все сильнее, словно готовясь разлететься на куски. Он невольно приложил руки к вискам, снова протер лоб, и, не успев еще опустить руки, услышал с разных сторон странный, прерывающийся шепот:

– Смотри, опять... – Нет, тебе показалось. – Да нет же, на лоб посмотри!

На свой лоб он посмотреть не мог, поэтому привычно склонился к микрофону, поправил его рукой, и, наконец, понял, о чем шепчутся девушки-операторы. Толстые пальцы были перепачканы чем-то липким и красным, и на черном

микрофоне остались явные красные следы. Наверное, в кафе он запачкал руки кетчупом, а теперь измазал себе и лицо? Но это могло вызывать смех, а на лицах девчушек явственно читался страх.

– Кровавый пот... – словно эхом, донеслись до него обрывки слов, и он рассердился. Что они несут, эти соплюшки, неужели не в состоянии отличить кровь от кетчупа? Не бывает кровавого пота, это сказки для слабонервных, городские легенды... Но почему так болит голова?

В висок словно вонзилась огромная раскаленная игла, и запылала там, расплавляя остатки мыслей. Он хотел позвать на помощь, но губы не слушались, лишь беспомощно кривились в подобии жутковатой гримасы. Сквозь боль он еще успел услышать пронзительный женский визг, и все погасло.

* * *

– Ленка, вот для тебя отличная возможность отличиться! – Митяй, пробегая мимо, бросил в меня газетным листом. Я не успела его поймать, и он, приземлившись мне на голову, плавно спланировал на пол. Рассердившись, я скрестила руки на груди и гордо выпрямилась на стуле:

– Митька, я не собираюсь ползать по полу! Ты что мне бросил, там очередная твоя гениальная статья?

– Именно. – Митяй уже сосредоточенно стучал по клавиатуре. – У нас в городе, похоже, началась эпидемия. У лю-

дей на лбу выступает кровавый пот, затем кровь начинает сочиться из рук и шеи, и потом... – он сделал эффектную паузу.

– Не стыдно такое рассказывать? – белокурая Дагния Лебедева, ведущая в газете хронику светской жизни, повернулась к нему на крутящемся стуле и презрительно сморщила носик. – Чума в городе, да?

– Про лихорадку Эбола слыхала? – Митяй по-прежнему бодро, как дятел, стучал по клавишам. – Наверное, ей в Африке надоело, вот и до нас добралась. Врачи, конечно, все отрицают. Я уже в минздрав звонил, уверяют, что никакой эпидемии нет. Врут, конечно.

– И много народу уже заболело? – небрежным тоном, словно на светском приеме, спросила Дагния. – Счет идет на сотни или уже на тысячи?

На этот раз Митяй оторвался от компа и зло взглянул на Дагнию.

– Только двое. – отчеканил он. – Ты предлагаешь мне пока не писать, подождать, пока сдохнет весь город?

– А ты хочешь вызвать панику? Или, еще лучше, чтобы сюда прислали войска и объявили карантин? – ледяным тоном, полным презрения, спросила Дагния.

– Я буду только за. – усмехнулся Митяй. – Наш город прославится. Я буду писать записки из подполья, и через Инет передавать их в центральные газеты. Мне карантин не мешает.

Дагния пожала плечами и отвернулась. Я молча смотрела на дуэлянтов. Митяй недолюбливал Дагнию, считая ее высокомерной стервой, и белокурая красотка отвечала ему полной взаимностью. Мне лично казалось, что это просто нездоровая конкуренция. Митяй справедливо считал себя главной звездой газеты «Желтые новости». У него было редкое чутье на скандалы и сенсации, незаурядный аналитический ум, и именно его ставили в пример на всех планерках, как журналиста, который оказывается на месте происшествия задолго до того, как оно произошло.

Но зато Дагния очень нравилась местным певицам, актрисам и особенно актерам. Девушка была неглупа и красива какой-то отстраненной, холодной красотой снежной королевы. Ее приглашали на все светские тусовки и приемы, с ней секретничали, советовались по поводу нарядов и раскрутки, знакомили с перспективными кавалерами – словом, ее любили.

Митяя же деятели шоу-бизнеса терпеть не могли. Особенно после того, как он спровоцировал драку с молодым, но уже засветившимся в сериалах актером, получил от него в глаз, но сдачи давать не стал, а вместо этого с невинным видом отправился в травмпункт, получил справку о побоях и дал статью в газете под названием: «Меня избил актер Федорин». Скан справки и фото фингала к тексту прилагались.

И Дагния, потратившая несколько дней, чтобы очаровать восходящую звездочку Федорина и получить от него интер-

вью, осталась на бобах. Интервью появилось сразу после истории с избиением, и вызвало у читателей лишь здоровый смех.

Таких историй было немало. Не прикладывая особых усилий, Митяй Золотухин раздувал слона сенсации из любой мелкой мушки, а Дагния лишь уныло брела по его следам. Я пришла в «Желтые вести» недавно, и даже не успела еще ничего написать. Но уже то, что привел меня в газету Митяй, сделало Дагнию моим естественным врагом. А я была счастлива, и мне так не хотелось иметь врагов...

Тяжело вздохнув, я подняла с пола газету у попыталась сосредоточиться на заметке под названием: «Кровавый пот»:

«Он прошептал: «Как жарко... Я словно в костре.». Вытер со лба кровавую испарину и грузным кулем рухнул на пол. Так оборвалась жизнь известного шоу-мена Романа Горолюба. Ему было всего 48 лет.

А спустя пять дней прямо на сцене театра скончалась тридцатилетняя комедийная актриса Алла Ковальчук. Кровь хлынула у нее из носа и из ушей, она буквально захлебнулась в собственной крови. Она умерла, не приходя в сознание, не успев почувствовать боль.

Две загадочные, внезапные смерти за одну неделю. От странной болезни погибли совсем молодые люди. Но это лишь те случаи, о которых мы знаем.

Роман Горолюб и Алла Ковальчук были известными, они погибли на глазах у множества свидетелей. Лишь поэтому

мы знаем, как наступила их смерть. А скольких на самом деле выкосил кровавый вирус? Сколько народу скончалось у себя дома, и приехавшие доктора торопливо увезли их в морг?

Увы, областной минздрав уверяет, что никакой эпидемии нет. Боюсь, такой же ответ мы услышим, даже если в городе пойдет эпидемия вируса Эболы.»

Я немного помолчала, осмысливая прочитанное, потом спросила:

– Митя, а от меня-то чего ждешь?

– Включайся в расследование. – он наконец-то повернулся ко мне. – Если в городе эпидемия, считай, нам крупно повезло. Нами вся страна заинтересуется.

– Если мы заразимся и умрем, нам будет все равно. – пожала плечами я.

– Да что ты как маленькая! – вскипел Митяй. – Можно подумать, если напишем об этом, эпидемия всех выкосит, а промолчим – так стороной обойдет. Да вообще, нет никакой эпидемии, иначе полгорода бы кровью уже истекало. Вон, даже Дагния это понимает!

– Даже? – ледяным тоном переспросила белокурая красотка. – Дагния как раз это прекрасно понимает. И ДАЖЕ ТЕБЕ, похоже, сумела объяснить.

– Митя, а что врачи говорят? – торопливо спросила я, надеясь остановить нарастающую ссору.

– Кровоизлияние в мозг у обоих. Инсульт. – Митяй пе-

редернул могучими плечами. – Ну подумай сама, какой инсульт у тридцатилетней тетки?

– Вроде, она была очень полной. – осторожно заметила я. – Может, у толстяков инсульты бывают и в молодости?

Я заметила неприкрытое злорадство в синих глазах Дагнии и оглянулась, но было уже поздно. Прямо над моим стулом нависла замредактора Ольга Викторовна Бомотова, большая и широкая, как речная баржа. Увы, она явно слышала мои последние слова.

– Что, Леночка, – подчеркнуто ласково спросила она, растягивая губы в подобии улыбки. – Вы всех полных людей списываете в утиль?

– Ольга Викторовна, ну что вы! – от растерянности я вскочила, уронив стул, и теперь, покраснев, переминалась с ноги на ногу возле него, не зная, что предпринять. – Я же про актрису... вы по сравнению с ней стройная березка!

Бездушный Митяй фыркнул, Дагния с равнодушной улыбкой отвернулась и стала демонстративно стучать по клавишам. Замредакторша, перестав улыбаться, смерила меня холодным взглядом и, не сказав больше ни слова, удалилась в свой кабинет за стеклянной перегородкой.

– Она меня уволит? – в страхе спросила я у Митяя. Меня взяли в газету на испытательный срок, и то исключительно из уважения к нему.

– Пусть попробует. – спокойно ответил любимый. – Я уйду вместе с тобой. Пойдем в «Женские секреты», меня туда

давно зазывают. Еще и выиграем в зарплате.

Я выдохнула застрявший в груди воздух и немного ослабилась.

– В общем, слушай сюда. – продолжал неугомонный Митяй. – Ясно, что это не insult. Я почитал в Инете – нет при insultе никаких кровотечений из рук и кровавой испарины. Возможно, все же какой-то вирус, хотя и не такой заразный, как Эбола. Или еще какая зараза. Но в любом случае, должны быть еще пострадавшие. И вот твоя задача, Леночка, их отыскать. Задание понятно?

– А что будет, если Лена не справиться с поставленной задачей? – с красиво очерченных губ Дагнии, казалось, капал пузырящийся яд. – Не оправдает, так сказать, оказанного доверия?

– Задушю, расчленю и сварю бульон. – с самым серьезным видом ответил Митяй. – Говорю это при свидетелях, которых тоже придется убрать.

Он кинул выразительный взгляд на Дагнию и плотоядно облизнулся:

– Эх, и вкусный бульончик получится! Наваристый!

– Шут гороховый. – тихо, но отчетливо проговорила Дагния и отвернулась.

Из кабинета начальства вышла Ольга Викторовна. Остановилась возле двери, обвела глазами зал и строго спросила:

– Над чем у нас работает Ленская?

Я хотела было ответить, но Митяй меня опередил:

– Мы с ней готовим бомбу. В городе странный вирус, от которого погибают люди. Вот-вот может начаться эпидемия.

– Ну-ну. – недоверчиво хмыкнула замредакторша и вернулась к себе.

Я сидела, уткнувшись лицом в руки, и пыталась сдержать слезы. Зря я все же перешла на работу в газету Митяя. Надо было оставаться в своем гламурном журнале. Особого смысла в той работе я не видела, но какие доброжелательные девочки сидели со мной в кабинете! А тут я словно попала в натуральный террариум. Ни один мой промах не останется незамеченным, любое слово будет использовано против меня. Митяя такая обстановка окрыляет, ему для полного счастья нужна постоянная борьба. А мне хочется на работе тепла и понимания...

Но самое главное – я понятия не имею, как вести журналистское расследование! Когда слушала Митяя, мне казалось, что это так просто... Иногда я ходила с ним, беседовала с людьми, даже сидела в засаде, чтобы сделать тайные фотки. А вот теперь мне надо вести расследование самой, а в голове лишь одна мысль – я обязательно облажаюсь, и мерзкая Дагния будет месяцами рассказывать всей редакции о моем позоре.

Словно угадав мои мысли, Митяй подошел, сел на мой стол и, нагнувшись к самому уху, прошептал:

– Ленка, да не волнуйся, не брошу я тебя одну в океан. Бросаю спасательный круг: месяц назад в одном из корпусов

инфекционной больницы возник пожар. Вот от этой печки
и надо плясать.

Глава 2

В деревянные стены корпуса, где лечили особо опасные инфекции, намертво въелся запах гари. Заведующий отделением Вадим Спиридонов сидел в кабинете с настежь распахнутыми окнами, чувствуя, как от гари начинает болеть голова. С улицы поддувал осенний ветерок, в комнате было зябко, но врач не чувствовал холода. Ему было слишком страшно. Прошел уже месяц после того, как его ограбили, но он так и не решился поставить в известность фирму. Да, там работали медики, но возглавляли фирму люди, далекие от медицины, зато очень близкие к криминалу. Ходили слухи, что они жестоко расправлялись с конкурентами, и что два ревизора, затеявшие в фирме проверку, исчезли без вести.

Спиридонов решил не обращаться в фирму за помощью. Он был уверен, что в скором времени сам найдет пропажу и ее похитителя. Но шли дни, а он никак не мог сообразить, где искать. И вот, дождался – стали погибать люди. Это его вина. Скоро за ним придут... только кто это будет – полиция или те, другие?

* * *

Я уныло бродила возле ярко-зеленого, свежеевыкрашенно-

го корпуса инфекционки. Следов пожара уже не было видно, только почерневшие и свернувшиеся листья дикого винограда напоминали о том, что по стенам недавно прошелся огонь.

Внутри отделения меня, разумеется, не пропустили. Я долго тыкала удостоверение в маленькое окошко на проходной, но полная тетка по ту сторону баррикады стояла на своем: она не знает и знать не хочет ничего про свободу прессы, зато прекрасно знает, что такое зараза. И поэтому никто не зайдет в отделение, чтобы потом разносить эту самую заразу по городу.

Конечно, можно было пойти к главврачу, и добиться-таки своего. Возможно, он сам сопроводил бы меня в отделение. Но мне не нужно было официальное интервью с врачами, мне нужно было поговорить по душам с медсестрами или больными. Только так можно было получить хоть какую-то полезную информацию.

Поэтому я и бродила теперь вокруг больницы, надеясь, что на улицу выйдет кто-то из медсестер и мне удастся наладить контакт. Хотя, веселый здоровенный Митяй куда лучше сумел бы расположить к себе девушек. Но пока, несмотря на теплую сентябрьскую погоду, выложенные кирпичом дорожки между корпусов были абсолютно безлюдны.

Устав наворачивать круги, я присела на деревянную лавочку возле выхода из корпуса, и задумалась. Допустим, ЭТО началось месяц назад во время пожара. Что тогда про-

изошло? Надо рассуждать логически.

Допустим, в отделении находился больной с редким вирусом, возможно, привезенным из какой-то экзотической страны. В корпусе начинается пожар. Что происходит дальше? Капитан Очевидность подсказывает, что всех – и врачей, и больных – срочно выводят из деревянного здания.

Что же было дальше? Пожар пылал в конце августа, на улице было довольно тепло, поэтому легко допустить, что люди стояли на улице перед горящим зданием, и ждали пожарных. Или больных отвели в другой корпус? Но, насколько я выяснила, в этом отделении находились особо заразные больные. Гепатит А, дифтерия, корь... Вряд ли их даже на время решили подселить к дизентерийным больным, или подружить с ВИЧ-инфицированными.

Ну что же, пока примем на веру, что больные под присмотром персонала дождались, пока корпус потушат, и вернулись на законные места. И тем не менее, зараза вырвалась наружу. Может, один из больных контактировал с пожарными? И те заразились? Возможно все, только как это выяснить? Раз с медиками поговорить не удастся, видимо, придется искать пожарных, тушивших инфекционку. Только что мне это даст? То есть, если кто-то из побывавших тогда на пожаре умер от внезапного кровоизлияния в мозг, я вернусь к Митяю с победой. А если нет?

В голову лезли самые дикие идеи, вплоть до того, чтобы поджечь инфекционку вновь, или натереть себя морковным

соком и проникнуть в отделение под видом больной желтухой. От криминального решения проблемы я отказалась сразу и решительно, а вариант с симуляцией болезни некоторое время обдумывала. Но и его пришлось отбросить. Даже если медики «Скорой» окажутся идиотами и не поймут, что их дурят, меня разоблачат в приемном покое инфекционной больницы. И это еще неплохо, куда хуже, если я все же попаду в отделение, ничего толком не узнаю, зато заражусь на самом деле.

Я настолько углубилась в свои фантастические проекты, что даже не сразу заметила, что из корпуса вышла невысокая молодая девушка в белом халате, почти полостью прикрытым запахнутой синей курткой. Она быстро завернула за угол, а я почти минуту остолбенело глядела ей вслед. Потом опомнилась, вскочила и понеслась догонять.

Бежать мне пришлось недолго. Завернув за угол, я сразу наткнулась на медсестру, уже успевшую закурить. Она равнодушно посмотрела на меня и отвернулась. Я откашлялась и решительно произнесла:

– Девушка, я из «Желтых новостей». Может, вы знаете Митяя Золотухина?

– Видела по телику пару раз. – девушка обернулась и с интересом посмотрела на меня. – Так что это точно не вы.

Она засмеялась, от души радуясь собственной шутке. Я тоже через силу улыбнулась и продолжала.

– Мы с Митяем работаем в паре. Вот сейчас заинтересо-

вались пожаром в вашем корпусе, хотим об этом заметку написать.

– О чем там писать? – искренне удивилась медсестра. – А можно ваше удостоверение?

Я показала запаянный в пластик листок, жалея, что не придумала более интересную версию. С другой стороны, заикнись я о загадочном вирусе, девушка могла вообще отказать от беседы. Откуда мне знать, вдруг персонал больницы специально проинструктировали – журналистам о вирусе ни слова?

– Да уж, неужели ничего более интересного в городе не случилось? – никак не могла успокоиться девушка. – Что вы узнать-то хотели?

– Мы пишем о череде пожаров за последний месяц. – наконец-то нашлась я. – Митяй подозревает, что в городе завелся поджигатель. Первой загорелась ваша больница, потом еще несколько жилых домов. Полиция уверяет, что это просто несчастные случаи, но мы в это не верим.

– Надо же, только поджигателя нам не хватало! – возмутилась девушка. – Вот и жег бы дома, чего он больницу-то тронул? Креста на нем нет!

– Так вы мне поможете? – я не стала отвлекаться на обсуждение личности неведомого поджигателя. – Расскажите подробно, что происходило на пожаре?

– Да некогда мне разговоры разговаривать. – неуверенно ответила девушка. – Я на секундочку покурить только вы-

шла, мне давно обратно пора.

– А когда у вас смена заканчивается? Давайте встретимся, ну пожалуйста! Мне очень нужен ваш рассказ!

Девушка с сомнением оглядела меня, немного подумала и сказала:

– Ладно, завтра можем встретиться. Но только если вы Золотухина с собой приведете. Я бы с ним поболтала... – она мечтательно закатила глаза.

Словно тонкой иглой в сердце кольнула ревность, и я внимательно оглядела девицу. Дутая куртка скрывала фигуру, но было ясно, что она вполне стройная, если не сказать тощая. Лицо же было не то что некрасивым, но каким-то неприятным. Слишком узкое, с впалыми щеками, слишком узкие губы, слишком глубоко посаженные глаза... Русые волосы приятного оттенка были хороши, но прямая стрижка каре не шла девушке, зрительно заостряя нос и удлиняя подбородок. Нет, она мне не соперница. Поэтому я с готовностью закивала в ответ. Ладно, приведу Митяя. Все равно он любит только меня, и всякие дурочки не составят мне конкуренции. Мы договорились встретиться завтра в полдень в кафе «Тещины блины», и я, вполне довольная, отправилась на второе задание.

Оно было еще более неприятным, чем визит в инфекционку. Мне предписывалось посетить общегородской морг и узнать, сколько народу за последний месяц скончалось от инсульта. Причем, Митяя интересовали только те, кому не ис-

полнилось еще 60 лет. После этого возраста он допускал инсульт по естественным причинам.

Митяй заранее позвонил директору морга Петкуну, тем не менее, тот встретил меня без особого энтузиазма.

– Вам незачем было приезжать лично. – сразу заявил он, встретив меня на пороге и буквально выдавливая своим немалым весом из кабинета. – Я прислал все данные Золотухину по мылу.

– Когда? – удивилась я. – Он мне ничего не сказал... Вернее, это не важно. Мы побеседовать можем?

– У меня нет времени на пустые беседы. – отрезал директор. – Все данные у Золотухина, а я уезжаю на совещание.

– Сколько народу за месяц умерло от инсульта? – быстро спросила я.

– Шесть человек. – сухо ответил он.

– Их фамилии и адреса в списке есть?

– Вы шутите? – Мы уже вышли из морга, и Петкун семимильными шагами неся к машине. Но после моего вопроса он наконец остановился, и я тут же встала у него на пути.

– Если нет имен и адресов, какой прок от списка? – возмутилась я.

– Имена и адреса я выдам лишь после запроса из прокуратуры. – он быстро обошел меня и сел в автомобиль.

Глава 3

Митяй в широких семейных трусах и маяке-алкоголичке гордо расхаживал по кухне, читая мне лекцию:

– Значит, за месяц от неизвестной болезни умерло 6 человек. Двоих мы знаем, осталось отыскать четырех. Как искать будем?

Он приостановился и вопросительно поглядел на меня. Я развалилась на угловом мягком диванчике и задумчиво вертела в руках бокал с коньяком. После посещения больницы очень уж хотелось провести хоть какое-то обеззараживание организма, и поэтому я допивала уже третью порцию золотистого напитка. Не знаю, насколько я убила зловредные бактерии, но способность соображать пропала полностью. Поэтому сейчас я могла лишь глупо хихикать, разглядывая синие труселя в кокетливый белый горошек.

– Что нам известно? Из двоих погибших оба были местным знаменитостями. – увлекшись лекцией, Митяй не обратил внимания на мое состояние. – Следовательно, можно предположить, что и остальные погибшие имели отношение к шоу-тусовке. Что мы делаем дальше?

В моей голове звучал какой-то вальс, то стихая, то вновь набирая обороты. Мне хотелось танцевать или хулиганить, но только не решать головоломки.

– Митя, пойдём на танцы? – выпалила я. – Я недавно ви-

дела объяву: «Курсы аргентинского танго»! Всю жизнь мечтала танцевать танго.

– Ленка, да ты пьяная в ж***пу! – удивился Митяй. – Ну тебя и развезло. С чего это ты наклюкалась?

– Заразы боюсь. – честно призналась я.

– Ну ты даешь! – Митяй на секунду задумался, но мыслям было тесно в его голове, и он продолжал: – Короче, сейчас мы проверим некрологи за последний месяц.

Он выбежал из кухни, а я уложила руки на стол и устроила сверху отяжелевшую голову. Сквозь сон услышала, как топают тяжелые шаги Митяя, и почувствовала, как сильные руки поднимают меня и куда-то несут.

Наутро вместо чашечки кофе в постель меня ждал нагоняй. Я только открыла глаза, как предо мной предстал голый Митяй, почти утонувший в глубоком кресле, откуда торчала только взъерошенная голова. Она неодобрительно глядела на меня и нудела:

– Ленка, запомни раз и навсегда: во время работы не пьют! Вот закончим расследование, если не помрем, так напьемся.

– Да не буду больше, это визит в больницу меня подкосил. – оправдывалась я. – Хорошо, что медсестру я в кафе выманила.

– А как ее зовут? – небрежно спросил Митяй.

– Не знаю – растерялась я.

– Так вот, первое правило работы со свидетелем: узнать его имя! – нравоучительно сказал Митяй, и тут я вскипела:

– Митька, да что ты как старик какой-то, все учишь!

– Кому ж тебя учить, как не старому мудрому деду Митяю? – добродушно усмехнулся он, выбираясь из кресла и подходя к компьютерному столику. – Лады, проехали. Слухай сюда.

Оказалось, он полночи провел в Инете, и нашел 5 подходящих некрологов. За этот месяц, кроме Аллы Ковальчук и Романа Горюлоба, от тяжелой болезни умерли еще две актрисы и актер. Кроме того, скоропостижно скончался популярный ведущий детской телепередачи, и одна начинающая певица. От каких именно болезней скончались эти представители шоу-бизнеса, в газетах не сообщалось, это предстояло выяснить мне.

– Да погоди, почему ты думаешь, что их выкосила та же зараза? – удивилась я. – Полагаешь, они все лежали в том отделении, которое горело?

– Да чего тебя зациклило на этой инфекционке? – удивился Митяй. – Может, пожар и вовсе не при чем, простое совпадение по времени. А вирус начал распространяться всего неделю назад. Поэтому и жертв пока так мало. Может, зараза как раз из этой шоу-тусовки пошла, не зря ж там уже двое пострадавших. Они ж любят по всяким там Индиям раскатывать, вот кто-то и привез неизвестную доселе болезнь. А может, это и вообще не болезнь, а кто-то травит представителей местного шоу-бизнеса. А что, тоже идея неплохая!

– Да зачем их кому-то травить? – поразилась я.

– Вот этого не знаю. – честно признался Митяй. – Кому понадобилось травить безобидного телевизионщика и малоизвестную актрису? Вот если бы ты спросила, кто хочет отравить меня – с ходу назвал бы десяток имен! – он выпятил грудь, а в голосе зазвучало неприкрытое самодовольство.

– Тебе есть чем гордиться. – кротко согласилась я. Митяй подозрительно зыркнул в мою сторону, но спорить не стал.

– Лично я думаю, что никто их не травил. – как ни в чем не бывало, продолжил он. – Какая-то зараза медленно распространяется по городу. Возможно, она опасна не для всех, а для людей с ослабленным иммунитетом. Или для тех, у кого уже есть какая-то хроническая хрень. Короче, все это надо выяснить. А для начала надо узнать, кто из пяти поражал окружающих кровавым потом, прежде чем помереть от инсульта.

– А если они умерли от других причин? – поинтересовалась я. – В конце концов, те четверо инсультников, о которых говорил директор морга, могут и не принадлежать к шоу-тусовке.

– От чего же тогда скоропостижно скончалась эта пятерка? – ехидно поинтересовался Митяй. – Молодые люди, им не исполнилось и сорока лет. Что ж их выкосило-то за месяц – желтая лихорадка?

– Грипп?

– Окстись, дорогая, какой грипп в середине сентября!

– Есть и другие тяжелые болезни. – пожала я плечами. –

Митя, зачем нам лишняя работа? У тебя же есть знакомый следователь, Валера. Пусть он пошлет официальный запрос директору морга, и мы будем точно знать, кто из погибших – наш человек.

– Ленка, ну ты как с луны свалилась! – Митяй картинно схватился за голову. – Какой следователь, какой запрос! Нет никакого уголовного дела. И причин для него пока нет. Эпидемия, знаешь ли, неподсудна. Инсульт тоже.

– А если все-таки отравление? – не унималась я. – Можно под этим предлогом возбудить дело?

Митяй на секунду задумался, затем с сожалением пожал плечами.

– Не выйдет. Протокол вскрытия Горолюба подписало аж два эксперта – он все же был самым известным шоу-меном в городе. И оба утверждают, что он умер от разрыва аорты и кровоизлияния в мозг. Были бы там следы каких-то посторонних веществ – думаю, их бы нашли.

– Что, совсем никаких следов? – не поверила я. – Он был абсолютно здоровым человеком, с таким-то весом?

– Вот насчет лекарств надо бы подробнее узнать. – согласился Митяй. – Какие-то он наверняка принимал. Ладно, это я беру на себя. Нет у тебя подхода к серьезным людям.

Я хотела было обидеться, но не успела. С диким криком «Пельмени горят!» Митяй выскочил из спальни, и только тут я почувствовала запах гари. Надо было срочно спасать остатки завтрака, и ближайшие полчаса нам было не до за-

гадочной инфекции. Пельмени сгорели вместе с кастрюлей, дышать на кухне без противогаса было нельзя, а пока мы проветривали квартиру, наступило время ехать на встречу с безымянной медсестрой.

– Ладно, заодно и похаваем там. – проворчал Митяй, голодный и злой, как тысяча медведей. – Это «Тещины блины», что ли? Мерзкая забегаловка, ты более приличное место придумать не могла?

Я промолчала, чтобы не злить зря Митяя. На самом деле, единственное, что было неприличного в «тещином кафе» – это цены. А блины там были выше всяких похвал. Но отучить Митяя от режима нездоровой экономии я пока не могла. Вот как раз пусть сегодня потренируется, покушать-то он любит.

А вообще-то, подумала я, с остервенением отмывая сгоревшую кастрюлю, с любимым мне повезло. Несмотря на прогрессирующую звездную болезнь, в быту Митяй был на редкость неприхотлив. Мог неделями питаться одними покупными пельменями, причем, варил их сам. А я только радовалась – пельмени варятся быстро, не надо стоять у плиты, можно в свободное время погулять с любимым по городу, или с подружками встретиться. Но, наверное, надо перестать лениться, и хотя бы следить, что творит Митяй на кухне. А то скоро квартира превратится в тот же свинарник, который был до моего переселения. Митяй ужасно любил поесть, но ненавидел убирать за собой объедки. Когда я впервые при-

шла в его квартиру, они неровным слоем покрывали не только кухонный стол, но даже пол в коридоре. Так что за ним глаз да глаз нужен.

Из-за котовасии с пельменями мы опоздали на встречу минут на десять. Медсестра ждала нас у входа в кафе. Едва взглянув на нее, я поняла, что она приехала не столько на интервью, сколько на свидание. Короткий песцовый полушубок, странно смотрящийся теплым осенним днем, сапоги на высоченной шпильке, полная боевая раскраска на лице... Грим был настолько плотный, что девушка напоминала силиконовую куклу, и невозможно было понять, как она выглядит на самом деле.

Я с раздражением смотрела на размалеванную медсестру, только в этот момент осознав, что из-за сгоревших пельменей забыла накрасить хотя бы белесые ресницы. Да, сегодня я явно проигрываю этой, в сущности совсем некрасивой, девчонке. Не надо было соглашаться на встречу втроем!

Тем временем медсестра узнала нас и бросилась навстречу:

– Митяй Золотухин! – экзальтированно воскликнула она. – Я так мечтала с вами когда-нибудь встретиться!

– Да, это я. – он приосанился и широко улыбнулся. – А вас как звать, прекрасная незнакомка?

Меня аж перекосило от злости. Несмотря на густой грим, прекрасной девушку назвать было никак нельзя.

– Я Людмила. Для вас Милочка! – восторженно выдохну-

ла девушка.

Митяй согнул обе руки крендельком и подставил мне и медсестре. Та мигом вцепилась в его рукав, а я отступила на шаг в сторону. Словно не замечая моего гнева, Митяй, что-то ласково проворковав, повел Милочку в кафе. А я нехотя поплелась следом.

Мы подошли к свободному дубовому столику, и Митяй галантно снял с Милочки полушубок и лично повесил его на торчащий из стены рог неизвестного животного. Свой плащ я снимала и вешала сама. Раздражение все нарастало. Я села за столик и демонстративно погрузилась в чтение поданного официанткой меню. Милочка дождалась, пока Митяй отодвинет для нее плетеное кресло, и лишь тогда села.

– Что заказывать будешь? – ласково спросил Митяй, подвигая поближе к ней свое кресло... Тут я не выдержала. Раз он так, наступлю-ка на его любимую мозоль! И я небрежно предложила:

– Милочка, тут блины с красной икрой выше всяких похвал! Бери большую порцию, не пожалеешь!

Митяй побагровел и больно пнул меня ногой под столом, но я уже не могла остановиться:

– А к блинам отлично подходит клубничное Дайкири со льдом. – я предусмотрительно убрала ноги подальше, а Милочка смущенно пролепетала:

– Может, я лучше кофейку с блинами выпью...

– Нет, ты что! Митяй обидится! – воскликнула я. – Зака-

зывай, чего душа пожелает, не стесняйся!

– Ну тогда... а мороженого еще можно? – весело спросила девушка. – Шоколадного, с орешками?

– После блинов нельзя, они горячие, горло застудишь. – нервно ответил Митяй.

– Ой, Митя такой заботливый! – в притворном восторге закатив глаза, парировала я. – Он в детстве вообще доктором хотел стать. Да ты его не слушай, если нравится мороженое после блинов, так бери.

– Беру. – согласилась Милочка, и по насупленным бровям Митяя я поняла, что соперница обезврежена. Лишнего мороженого Золотухин ей не простит.

Я заказала блины с икрой и кофе, а Митяй – самое дешевое блюдо, пельмени. Запивать их чем-либо он категорически отказался. Пока Милочка перечисляла, что собирается брать, Митяй исхитрился и показал мне кулак. Едва официантка, приняв заказ, отошла, Милочка спросила:

– Ну что, поджигателя уже поймали?

– Нет. – все же Митяй был настоящим профессионалом. Мощным усилием воли он подавил злость на меня и обиду из-за бездарно потраченных денег, и теперь думал лишь о деле. – Но мы уже вышли на след. Теперь все зависит от тебя, Милочка. От того, насколько подробно ты расскажешь нам о пожаре в больнице.

– Да месяц уже прошел, я и позабыла о нем... Ты хоть вопросы задавай. – на меня она даже не смотрела, полностью

сосредоточив внимание на Митяе.

– Кто первым увидел огонь? – спросил Митяй.

– Огонь? – она задумалась.

* * *

– Пожар, горим! – женский крик доносился из коридора. В первый момент Милочка подумала, что ей снится дурной сон. Она нехотя оторвала голову от кушетки и прислушалась: крики смолкли, но зато в ноздри заползал явный запах гари. Сон мигом слетел, она вскочила и, накидывая по дороге халат, выбежала из процедурного кабинета.

Языков огня и клубов дыма она не заметила, но запах гари все усиливался, и теперь она уже не сомневалась, что деревянный корпус горит. Молоденькая врачиха Курных, крики которой разбудили медсестру, уже добежала до входной двери и возилась с замками, пытаясь выбраться наружу. Милочка кинулась было к ней, но кто-то крепко схватил ее за руку.

– Людмила, вы куда собрались? – завоптделением Спиридонов был бледен, как смерть, но голос звучал строго.

– Так пожар же! – с опаской сказала Милочка. – А барак деревянный, сгорит мигом. Пойдемте, а то потом не выберемся.

– Сначала надо вывести больных. – скомандовал Спиридонов. – Тамара уже пошла к дифтерийным, а вы соберите гепатитных – и на улицу.

– Вадим Игоревич, но как же... – растерялась девушка. – Она ж заразные, их нельзя из боксов выводить, это запрещено! Они друг друга перезаразят.

– Лучше, чтобы они сгорели? – заорал Спиридонов. – Вывести всех на улицу, это приказ!

Девушка бросилась к дифтерийным боксам, но тут на встречу ей полыхнуло, и старая дверь, отделявшая боксы от коридора, вспыхнула и запылала. Она не решилась бежать сквозь огонь, и лишь громко закричала:

– Открывайте окна, и на улицу! Пожар! Все на улицу!

Потом развернулась и за секунду преодолела расстояние до уже открытой входной двери. Выскочила наружу, на каменную дорожку, отбежала несколько шагов, полной грудью вдохнула свежий ночной воздух, и только тогда обернулась на полыхающий барак. Из окон выползали люди в старых больничных халатах. Неуклюже переваливались через подоконники, падали и оставались лежать на дорожках, не в силах подняться. Преодолев оцепенение, Милочка бросилась им помогать, успев подумать на бегу – как хорошо, что корпус одноэтажный, со второго этажа изнуренным больным было бы не выбраться.

Пока она поднимала с земли людей, вторая медсестра Тамара успела вывести через дверь гепатитников, а доктор Спиридонов помог выйти двум подросткам, больным корью. Сбежавшая первой врачиха Курных тоже успела опомниться, и теперь, хлопая крыльями и сюсюкая, крутилась вокруг

пострадавших при падении из окон. Из открытых окон больницы вырывались яркие языки пламени, рассекавшие полный мрак глубокой августовской ночи.

Через несколько минут все больные были подняты и отведены немного в сторону от пылающего барака, на детскую площадку. Рассадив своих подопечных на скамейки, качели и бортики песочницы, Милочка почти на ощупь двинулась к асфальтированной площадке, где виднелись белые халаты медиков. Подойдя поближе, она увидела, что, кроме Спиридонова, Курных и Тамары, там стоит еще одна молодая девушка в белом халате.

– Ох, как я перепугалась! – тихо говорила вновь прибывшая, прижимаясь к доктору Спиридонову. – Я подумала, это наше отделение горит. От страха дар речи пропал, я кинулась к выходу... Ох, до сих пор ноги трясутся. Я новенькая, три дня всего в больнице работаю, а тут такое...

Похоже, ноги и впрямь не держали девушку, поскольку она буквально повисла на Спиридонове. Растерявшись, он попытался поддержать ее за талию, и она с готовностью приобняла его.

– А пожарных кто-то вызвал? – сообразила спросить врача.

– Я вызвал. – отрезал Спиридонов. – Вот-вот приедут.

И в самом деле, вдалеке заорала сирена, и вскоре в ворота больницы въехало сразу две пожарные машины. Врачи бросились к пожарникам, велев медсестрам присматривать за

больными. Людмила и Тамара при тусклом свете своих мобильных пошли на обход площадки, а новенькая медсестра сказала, что вернется в свое отделение. Задерживать ее никто не стал.

Пожар погасили на удивление быстро. Но обгоревшие и залитые водой палаты были малопригодны для лечения больных. Да что там, туда рискованно было помещать и здоровых. Поэтому в срочном порядке в больницу был вызван главврач, и на время в инфекционное отделение превратили административный корпус.

Только к утру медсестры и врачи смогли разместить там больных и хоть немного перевести дух. Прибыла новая смена медиков, и Милочка, едва живая от волнения и усталости, переодевалась в обычную одежду, когда в комнатку медперсонала ворвался доктор Спиридонов:

– Людмила, вы не видели красную коробку с замком?

Медсестра без всякого любопытства ответила, что никакой коробки она не видела.

– Она была в моем халате. – Спиридонов казался очень возбужденным. – Возможно, выпала где-то по дороге к площадке. Людмила, мы должны ее найти.

– Я сейчас упаду. – простонала девушка. – Оставьте меня, не буду я ничего искать.

Спиридонов резко развернулся и куда-то побежал, а Милочка, закончив переодеваться, из последних сил поползла к автобусу.

Глава 4

Мы внимательно выслушали рассказ медсестры. Но вопросов лично у меня только прибавилось. Судя по задумчивому виду Митяя, он тоже был озадачен.

– Милочка... – он аж откашлялся, чтобы прочистить горло. – А все же, что сказали пожарные? Отчего загорелся корпус?

– Наши говорили, вроде поджог. – пожала плечами Милочка. – А чего вы спрашиваете, вы ж как раз поджигателя ищете?

– Погоди, но почему решили, что корпус подожгли?

– Ну, вроде с того конца, где дифтерийные боксы, что-то плеснули и спичку бросили. – несколько неуверенно сказала Милочка. – Так наши девчонки болтали, но это неточно. К нам даже следователь приходил. Но сказал, что это несчастный случай, курил кто-то под окном, и бросил окурок неудачно.

– А что плеснули-то, бензин? – спросила я.

– Нет, тогда был бы запах. – возразила медсестра. – Бензин, он воняет здорово. А тут ничего. Может, водку пролили?

– Да, загадка... – протянул Митяй. – А та медсестра, новенькая... Ты еще видела потом?

– Не, не видела. – помотала головой Милочка. – Но я во-

обще по больнице зря не пересекаю, и в другие отделения не захожу. Так что почти никого из чужих медсестер не знаю. Вот врачи – другое дело, они иногда к нам заходят, консультируют. А медсестрам посторонним у нас делать нечего.

Принесли блины и пельмени, и мы замолчали, занявшись едой и погружившись в свои мысли.

– А Спиридонофф нашел сфюю коробку? – с набитым пельменями ртом пробурчал Митяй.

Милочка торопливо проглотила очередной кусок и ответила:

– Понятия не имею. Он больше про нее не вспоминал. Хотя...

Она ненадолго задумалась, затем сказала:

– Надо же, только сейчас сообразила, что он меня тоже про новенькую медсестру расспрашивал. То есть, я подумала, что она ему понравилась тогда. А насчет коробки даже не сообразила.

– Почему ты решила, что коробку украла медсестра? – быстро спросил Митяй.

– Да нет, я не решила... – начала оправдываться Милочка. – Но если коробка была в кармане халата, затем пропала – кто ее мог взять? К нему только эта девчонка и прижималась. Хотя, могла и выпасть коробка. Может, он ее нашел давно.

– А что там было ценного? – Митяй даже забыл о пельменях.

– Не знаю. – пожала плечами медсестра. – Я видела пару

раз эту коробку, она стояла в шкафу для медикаментов, но всегда была закрытой. Я раз ради любопытства пыталась ее открыть – куда там! Там какой-то замочек вроде кодового, чужой фиг откроет.

– Понятно. – задумчиво сказал совершенно сбитый с толку Митяй. – Опиши коробку, пожалуйста.

– Ну такая большая, красная, пластиковая...

– Большая – это какая? С чемодан размером? – перебил Золотухин.

– Ну ты шутник. – захихикала Милочка. – Он же ее в карман положил, думаешь, туда легко любой чемодан влезет? Даже не знаю, с чем сравнить... пирожные иногда в такие коробки кладут. То есть, те картонные, конечно, но размер примерно такой. Я помню, даже удивилась сперва, как это он в карман ее сумел запихнуть.

– А главное – зачем запихнул. – задумчиво, словно для себя, произнес Митяй. Но медсестра только пожала плечами.

Мы еще немного молча пожевали. Пора было переводить разговор на странную эпидемию.

– Милочка, еще блинчиков хотите? – ласково произнес Митяй. От удивления я вытаращила на него глаза, и ревность вновь подняла голову. Это ж надо, он этой девке предложил еще блинов! Это он-то, который и любимую девушку готов с утра до вечера кормить одними пельменями!

Милочка от добавки отказалась, и Митяй без всякого перехода спросил:

– А у вас в отделении многие от инсульта умирают?

– От чего? – девушка в неподдельно изумлении вытаращила глаза. – Но у нас не неврология. Какие инсульты?

– Да сейчас молодые люди, вполне здоровые, и то от кровоизлияний в мозг умирают. – горестно вздохнул Митяй. – А тут все же тяжелобольные...

– Ну, не знаю. – пожала плечами медсестра. – Не было у нас такого.

– А кровавый пот ни у кого не выступал? – быстро спросила я.

– Кровавый пот... – она на секунду запнулась, и тут же помрачнела. – Ребята, мы договорились поговорить о пожаре. Причем тут пот?

– Милочка. – Митяй придвинул кресло еще ближе к ней. – Это моя личная просьба. Я, видишь ли, роман пишу. Ужасник. Об эпидемии лихорадки Эбола. Знаешь такую, в Африке была? У людей из всех пор на теле начинала сочиться кровь, и они умирали. Роман будет – бомба, Но мне фактуры не хватает. А ты ж медик, почти что врач. Поможешь мне?

– Роман? – заинтересовалась Милочка. – Как интересно! Расскажи, а?

Митяй, запинаясь и на ходу придумывая подробности, начал плести какие-то небылицы, а я неторопливо доедала остатки блинов и обдумывала рассказ Милочки. Пока что все получалось вполне логично. Месяц назад некто поджег отделение больницы. Зачем? Видимо, именно затем, чтобы

украсть красную пластиковую коробку. Откуда неизвестный мог знать, что Спиридонов захватит коробку с собой? Ну, это еще Конан Дойл хорошо описал: в минуту опасности каждый берет с собой самое ценное. То есть некто знал, что самое ценное для заведующего отделением находится в красной коробке. Врач возьмет ее с собой, спасая от пожара, а значит, ее можно будет украсть.

Кто мог украсть коробку? Ответ, вроде бы, очевиден – «новенькая медсестра», которую никто из отделения не знал, и которая каким-то загадочным образом оказалась на той площадке, куда медики привели больных. По словам Милочки, она буквально повисла на Спиридонове, а значит, могла спокойно достать коробку и переложить в карман своего халата. В темноте никто не обратил бы внимания на ее оттопыренный халат, как никто не обратил внимания на набитый карман Спиридонова.

Все это отлично, но остается неясным, что же было в коробке, и имеет ли это отношения к нашей кровавой загадке? В конце концов, в коробке могли быть, к примеру, крупные суммы денег, и тогда цель поджога – банальное ограбление.

Более того, я вполне могу допустить, что никакого поджога не было. Кто-то из медиков курил возле корпуса, и деревянная стена вспыхнула от неудачно брошенного окурка. Новенькая медсестра увидела в окно полыхающее пламя, испугалась и выбежала на улицу, и вовсе никого не собиралась грабить. Она просто побежала туда, откуда слышались голо-

са. А красная коробка с какими-то лекарствами давно лежала в халате Спиридонова, и он просто не стал ее выкладывать, бросившись спасать больных от пожара.

Так имеет отношения коробка к нашей загадке или нет? Если нет, скорее всего, она и впрямь выпала из халата врача, а он в темноте этого не заметил. Возможно, утром он нашел коробку, просто не стал докладывать об этом Милочке. А новенькой медсестрой интересовался потому, что она и впрямь ему понравилась, не зря же так прижималась к нему во время пожара.

В любом случае, Спиридонова нужно срочно расспросить. Если он спокойно покажет нам красную коробку и объяснит, что там хранится, одной загадкой будет меньше.

– А вот странно, что ты заговорил о кровавом поте. – пробился сквозь мои мысли голосок Милочки. – Незадолго до пожара по отделению и впрямь пошла какая-то страшилка. Мол, у некоторых больных вдруг начинает идти носом кровь, а потом кровотечение останавливается, и оказывается, что у них все руки и лицо в крови, причем, даже если они к носу не прикасались! Но Спиридонов тогда очень рассердился на эти разговоры, собрал наших девчонок и предупредил, чтобы мы прекратили болтать глупости. А то он нас быстро всех набавок за ночные смены лишит. А без набавок мы вообще ничего толком не получим, пожрать не на что будет. Да ладно бы это, но не хочется мне нашего зава злить. Он симпатный... ой... но ты симпатичнее! – заявила она широко

улыбающемуся Митяю.

– А все же, было такое? – спокойно переспросил Митяй. – Что кровь из рук у людей шла?

– Да нашим девкам дай только страшилки напридумывать. – небрежно бросила Милочка. – Ничего такого не было. По крайней мере, лично я ничего не видела. Кровь из носа, вроде, шла у кого-то, ну так бывает, от высокой-то температуры. И ясно, что человек начинает лицо вытирать, кровь по лицу и по рукам размазывать. Вот и вся загадка.

– Впервые вижу такую здравомыслящую девушку! – пожалуй, в тоне Митяя натренированное ухо могло бы уловить легкое ехидство, но Милочка поглядела на него с глубокой благодарностью. – Обычно девушки такие наивные, готовы в любую чушь поверить. Вот Лена, например, глубоко уверена, что в городе ходит страшная зараза. И исходит она из вашей больницы.

Я со злостью поглядела на коварного Митяя. Ну с чего ему вдруг вздумалось представлять меня легковерной дурочкой?

– Ой, да смешно же. – приснула Милочка. – А чего ж мы все тогда живы, ну те, кто там работает?

– Просто ты, Милочка, не по годам умна. – снова подольстил Митяй. – Тебе же, наверное, еще двадцати нет?

На мой взгляд, девице стукнуло никак не меньше двадцати пяти, но она, смущенно потупившись, лишь кивнула в ответ.

– Благодаря тебе я начал лучше думать о девушках. – на

редкость убедительно проворковал Митяй. Я пристально поглядела на него. Он шутит, или резко поглупел? Но по широкому румянному лицу Золотухина прочитать его мысли было невозможно.

Милочка разразилась в ответ благодарственной речью, суть которой сводилась к тому, что Митяй – ее кумир с самого детства, и она даже хотела стать журналисткой лишь для того, чтобы как-нибудь с ним встретиться.

– Чего же не стала? – не выдержала я.

– И правильно, что не стала. – подтвердил Митяй. – А если я заболею, мне что, журналистка будет клизмы ставить? Не, решено, женюсь только на медсестре!

Умом я понимала, что мерзкий Митяй по своему обыкновению, хохмит, но ревность все глубже запускала в меня свои острые коготки. Я залпом допила кофе и с вызовом уставилась на неторопливо доедающую мороженное Милочку. Наконец, та покончила с десертом, и тут Митяй снова меня удивил.

– Лена, ты дуй в редакцию, и запиши мне в файл «Эпидемия» все, что мы с тобой тут надумали. А я Милочку до дома провожу.

Кровь бросила мне в лицо, и я начала спорить:

– Мы так не договаривались!

– Лена! – повысил тон Митяй. – Разговорчики в строю! А ну быстро в редакцию!

В его глазах плясали веселые чертики, но чувство юмора

покинуло меня, не попрощавшись.

– Тогда я увольняюсь! – чуть не плача, воскликнула я.

– Ладно. – мрачным тоном сказал Митяй. – Беги, дезертируй. Я один своей широкой грудью прегражу дорогу эпидемии. Вот этими своими рабочими, мозолистыми руками я остановлю кровавый понос! – он быстро сделал неприличный жест и тут же продолжил: – И паду смертью храбрых. Прошу считать меня спидоносцем!

Слегка покрасневшая Милочка фыркнула, а я быстро вытерла выступившие на глазах слезы и более-менее спокойно сказала, что еду в редакцию. А Митяй бросился подавать полшубок Милочке.

Глава 5

– Лена, тебя тут наша Бегемотиха искала. – доверительно шепнул мне Денис Солдатов, заведомо политиком. Бегемотихой он ласково называл Ольгу Викторовну, своей грацией и впрямь напоминавшую этого крупного зверя.

Сам Денис, изящный фронт с короткой бородкой а-ля интеллигент-разночинец, утонченной фигурой и плавными жестами напоминал мне мелкого пушного зверька типа куницы. Они с Бомотовой недолюбливали друг друга. Она презирала его за чуть аффектированную вежливость и некоторое жеманство, а он ее – за грубоватую прямоту.

– Зачем я ей понадобилась? – поинтересовалась я, включая компьютер и пытаюсь найти в папке Митяя файл «Эпидемия».

– Не могу знать. Только предполагаю, что не премию вручить хотела. – пожал плечами Денис. – Очень уж нее вид был грозный, совсем как у непримиримого цунами перед наступлением на сушу. О, легка на помине.

Последние слова он прошептал совсем тихо. Ольга Викторовна тяжелой поступью вошла в кабинет, и направилась напрямиком ко мне.

– Ленская, в нашей редакции не принято спать до обеда. – громко произнесла она. Денис из-за ее спины подмигнул мне, Дагния Лебедева отвлеклась от компьютера и то-

же обернулась в нашу сторону. – В твоём бывшем журнале гламур-тужур, наверное, вся работа начиналась ночью, а мы должны сдавать газету не позже пяти вечера. Итак, что ты успела за сегодня сделать?

– Но я работаю с Митяем... – растерялась я.

– Золотухин ответит за себя сам. – отрезала замредатор. – Я спрашиваю, что сегодня делала ты.

– Брала интервью. – кратко ответила я.

– С кем же?

– С медсестрой.

– И какую же бомбу ты готовишь из этого интервью? – издевательским тоном произнесла Ольга Викторовна.

– Эпидемия страшной болезни скоро выкосит весь город. – терять мне, похоже, было уже нечего, и я резко осмелела. – Она началась в инфекционке, но теперь вырвалась наружу. Скорее всего, это новое биологическое оружие массового поражения.

– Вот как? – как ни странно, после моего наглого заявления замредакторша притихла. – Ну, тогда пиши. Чтобы через полчаса материал бы в моей рабочей папке.

Она развернулась, тяжело ступая, ушла к себе в кабинет. Денис с сочувствием поглядел на меня, затем сказал:

– Дело твое, но я, как юрист-теоретик, не советовал бы тебе что-то писать без разрешения Митяя. Вот подаст больница на тебя в суд, как выпутываться будешь? И медсестру свою подведешь.

– Почему это подведу? Напишу – известно из достоверного источника, без имени. А ты думаешь, больница будет судиться с газетой?

– Не с газетой, а конкретно с тобой. – ледяным тоном сообщила Дагния. – По закону редактор пойдет соответчиком, но отвечать за дезу будешь ты. И поделом.

В полной растерянности я набрала телефон Митяя. Ответил он не сразу, и, слушая длинные гудки, я представляла себе красочные картинки: вот он доводит Милочку до дома, она приглашает его зайти к ней в гости, выпить чаю с плюшками... Они заходят, но вместо кухни Милочка ведет его в спальню, скидывает одежду, и Митяй бросается к ней, на ходу расстегивая джинсы... Конечно, ему не до телефонных звонков! Словом, когда Митяй наконец откликнулся, в моем голосе звучала настоящая паника:

– Митя, мне Ольга Викторовна велела писать про эпидемию, срочно! Что делать?

– Срочно – это как? – весело спросил он.

– Через полчаса сдавать!

– Ну и чего плакать-то? Пиши пока, а через полчаса я приеду и сам гляну, что можно давать в печать, а что нет. Давай, не раскисай! – и он отключился. А я так и осталась сидеть с мобильником, прижатым к уху, раздумывая: если б мой звонок застал Митяя с Милочкой в разгар любовной игры, звучал бы его голос так спокойно и невозмутимо?

Наконец, я отвлеклась от бесплодных размышлений и на-

чала писать статью:

«Эпидемия странной болезни, напоминающая лихорадку Эбола, началась в городской инфекционной больнице имени Бехтерева. Пару месяцев назад медики заметили странные симптомы: у некоторых пациентов шла кровь из носа, а когда кровотечение прекращалось, оказывалось, что кровь сочится из рук, а на лбу выступает кровавая испарина. Не знаю, сколько народу умерло от загадочной болезни – ведь в отделении лежали тяжелобольные люди, и причиной их смерти могли определить ту болезнь, с которой они опали в больницу. А истинная причина смерти вполне могла ускользнуть от внимания врачей.»

Написав эти строки, я осознала, что от нашего с Митяем внимания ускользнул важный вопрос: а сколько человек погибло в отделении за последние пару месяцев, и у кого из погибших перед смертью были кровотечения? Надо было срочно уточнить это у Милочки, и желательно прямо сейчас, пока Митяй с ней не расстался. Я вновь начала звонить Золотухину, но трубку он не снимал. И я, забыв о статье, вновь начала себя накручивать. К тому моменту, когда Митяй доехал до редакции, я была уже на грани истерики, а в статье не появилось более ни строчки.

– Всем привет! – с порога радостно провозгласил Митяй.

– Идущий на смерть приветствует тебя. – с своей обычной манере рассеянно ответил Денис, а Дагния даже не обернулась. Я вскочила и вытащила Митяя за руку в коридор:

– Почему ты трубку не брал?

– Не слышал. – глядя мне в глаза, соврал Митяй. – Ленка, мы работаем или отношения выясняем?

– Выясняем! – отрезала я.

– Тогда слушай сюда. – Митяй нравоучительно поднял палец. – Наша работа почти как у чекистов. Надо для дела – строим глазки объекту. Надо дло дома проводить – провожаем.

– А надо трахаться – тогда что? – вне себя, выкрикнула я.

– Ленка, да ты прямо как с цепи сорвалась! – изумился Золотухин. – Честно, я не знал, что ты слова такие знаешь.

– Я еще не такие слова знаю! – из-за тонкой перегородки мне приходилось шептать. – Ты кобель невымытый, я тебя знать больше не хочу!

Митяй крепко схватил меня за запястья и прижал к себе.

– Лена, ну успокойся же, малыш! Что с тобой? Я просто проводил эту девчонку до дома, и по дороге узнал ценные сведения. Я ж ради этого пошел!

– Ты назначил ей еще свидание???

– Но ради дела можно...

– Ты назначил ей еще свидание???. Отвечай!

– Ленка! – Митяй сильно встряхнул меня за руки. – Прекрати. Если ты начнешь меня ревновать к каждому столбу, ничего хорошего из этого не выйдет. Ты ж раньше не ревновала? Что случилось, ты вообще здорова?

– Не знаю. – всхлипнула я. – Обстановка в твоей редакции

на меня плохо действует. Ко мне Ольга Викторовна придирается, а Дагния так вообще сожрать готова.

Митяй ласково, словно маленькую, погладил меня по волосам, и ласково сказал:

– Да ладно, все устаканится. А Дагнию мы сами сожрем. Пошли статью писать.

Мы вошли в кабинет, и я поежилась под насмешливым взглядом Дагнии, которая почему-то стояла возле двери и, похоже, вульгарным образом подслушивала наш разговор. Митяй прочел крошечный обрывок, который я успела написать, пока не ревность не лишила меня способности мыслить, и хмыкнул:

– Да, негусто.

– Митя, а все же, кто-то в больнице умер за это время?

– Понятия не имею. Но мы сейчас узнаем.

Он быстро набрал какой-то номер, долго ругался, но через несколько минут ему все же прислали на мыло статистику смертности по больнице за последние полгода. Некоторое время мы сравнивали данные. За весну от дифтерии умерло 15 человек, а за три летних месяца, которые нас интересовали, смертность сократилась до 6 человек. По гепатиту статистка была похожей: весной 6 человек, летом – всего 4. То есть, сказать, что в больнице появилась дополнительная инфекция, было никак нельзя. С другой стороны, кто мог гарантировать, что больные погибли именно от тех инфекций, с которыми поступили в больницу?

– Ленская, прошел уже час. Где материал? – грозно спросила выглянувшая из своего закутка Ольга Викторовна, но тут же осеклась, встретившись взглядом с улыбающимся Митяем.

– Щас все будет в лучшем виде! – отрапортовал он, отодвинул меня от компа и быстро застучал по клавишам. Через его плечи я читала появляющиеся строки, и мне становилось сильно не по себе.

«Возможно, эпидемия так и осталась бы в одном отделении больницы, но... кто-то устроил поджог деревянного корпуса. Неизвестно, какую цель преследовал злоумышленник, но результат налицо. Чрезвычайно заразных больных вывели в больничный двор, и эпидемия вырвалась на свободу. Кровавый пот выступил на лбу известного шоу-мэна Романа Горолюба перед его внезапной смертью. Кровавый пот на лице молодой актрисы Аллы Ковальчук напугал зрителей даже больше, чем ее смерть прямо на сцене.

Мы знаем, что врачи и медсестры знали о том, что в отделении появилась странная болезнь. Но никто не принял мер, никто не сообщил о ней в санэпидемстанцию. Теперь страшная зараза вырвалась на волю. Что нас ждет завтра?»

Подпись под всем этим ужасом стояла моя: Милена Ленская. Я с недоверием спросила Митяя:

– А в самом деле, больница не подаст на меня в суд?

– Пусть подает. – пожал плечами Митяй. – Кровавый пот перед смертью Горолюба и Ковальчук – неоспоримый факт,

подтвержденный многими свидетелями. Пожар в больнице – тоже факт, даже протокол есть. А остальное – пусть больница доказывает, что там нет эпидемии.

– Ну ты и сволочь. – через плечо кинула ему Дагния, не отрывая взгляда от монитора.

Митяй не стал с ней пререкаться. Вместо этого он перебрал материал в папку редактората, и, взяв меня под руку, повел к выходу.

Мы спустились к его машине. Я, все еще не на шутку обиженная, смотрела в сторону, а Митяй, словно не замечая этого, рассказывал о ценных сведениях, которые с помощью военно-любивой хитрости добыл у Милочки.

Оказалось, никто из тех, у кого из носа шла кровь, в отделении не умер. Поручиться за это Милочка, разумеется, не могла, но если бы такое случилось, разговоры об этом пошли бы с новой силой, и их не удалось бы прекратить никакими штрафами.

– Но я попросил у нее список всех, у кого было кровотечение. – возбужденно говорил Митяй. – Она обещала завтра узнать у сестер все данные, и прислать мне смс-кой. А сегодня нам надо выяснить, кто из пяти городских знаменитостей умер от инсульта. Сначала поедем в ТЮЗ, там работали обе погибшие актрисы.

Энергии Митяя я могла только завидовать. Сама я после сторовших пельменей, своей недавней истерики и наездов замредакторши чувствовала себя полностью выжатым лимо-

нов, а Золотухин не утратил ни капли своего румянца и чудесного расположения духа.

По дороге мы перекусили в пельменной, и к Театру Юного зрителя подъехали лишь около шести вечера. Спектакля на этот день запланировано не было, поэтому встретить артистов или режиссеров мы не надеялись, но Митяй рассчитывал на долгий неспешный разговор с вахтерами. Но, к нашему удивлению, ТЮЗ вовсе не выглядел опустевшим.

У служебного входа стояли несколько дам бальзаковского возраста. Они встревожено переговаривались, с опаской озираясь по сторонам. Увидев Митяя, одна из дам бросилась ему навстречу:

– Митенька, вы уже тоже знаете?

– Мадам, вы все молодеете! – похоже, Митяй забыл имя пожилой актрисы, но виду не подал. – Я как раз надеялся на встречу с вами, только потому и приехал! А что произошло?

– Вы не знаете... – она на минуту осеклась, оглянулась на подруг, стоящих у входа, и, понизив голос, сказала:

– Мы все здесь с самого утра. Просто поверить не можем...

– Чему же?

– Наш помреж Федор... Совсем молодой еще, ему и шестидесяти не стукнуло!

– Он умер? – не проявив должной деликатности, спросил нетерпеливый Митяя.

– Сначала Ольга, затем Женечка, а теперь он... – словно

не слыша, твердила дама. – Так внезапно... Они ж ничем не болели! И тут вдруг... кровь из носа, кровь, всюду кровь...

– У него был инсульт? – перебил Митяй.

– Да, так говорят врачи. – подтвердила дама. – Сегодня утром он пришел в театр что-то проверить, но задержался возле вахтера. Вроде, ему внезапно холодно стало, он попросил куртку ему одолжить. Потом из носа пошла кровь... Он повалился на пол, вахтер перепугался, бросился поднимать... А у Федора лицо перекошено в такой жуткой гримасе. И он уже не дышал.

Глава 6

Весь вечер Митяй в диком возбуждении носился по комнате, словно гончая, взявшая след.

– Теперь видишь, как я был прав? – беспрерывно повторял он. – Актрисы скончались от инсульта, и остальные наши клоуны, уверен, от того же. Эпидемия косит деятелей шоу-бизнеса. Ты хоть представляешь, какая это будет бомба?

– Митя, ты ведь больше не будешь с ней встречаться? – невпопад спросила я.

Митяй остановился на полном скаку, словно наткнувшись на камень, и в недоумении воззрился на меня:

– Ленка, ты о чем? О Милочке? Ну ты, блин, даешь! Конечно же, я буду с ней встречаться. Мне надо подобраться к этому Спиридонову, у которого украли красную коробочку. Интересно же, что в той коробке – вирусы новой болезни? Бактериологическое оружие? Почему-то сомневаюсь, что он захочет дать мне интервью. Или ты думаешь, он добровольно мне все расскажет?

Думала я в тот момент совсем о другом.

– А он тебе и так ничего не скажет. – пожала я плечами. – И Милочка ничем не поможет.

– Да ну! – самодовольно усмехнулся Митяй. – Все он мне выложит, причем, добровольно. Я придумал гениальный план!

И он начал излагать длинную историю, в которой мне отводилась главная роль. Я была бы очень польщена, если бы... Если бы меня не мучил вопрос: врет ли Митяй, что Милочка нужна ему только для дела? Сколько раз я присутствовала при его журналистских расследованиях, и всегда он обходился без помощи влюбленных девушек! И надо же такому случиться, что одно из самых опасных расследований он умудрился совместить с неуместным романом!

Легли спать мы глубокой ночью, когда Митяй наконец угомонился. А ранним утром я проснулась от мощного толчка в бок:

– Ты спи, спи! – громко прошептал Митяй, дождавшись, пока я открою глаза. – Я сейчас быстро съезжу проверить, от чего померли остальные наши фигуранты, потом созвонюсь с Милочкой и узнаю адреса тех, кто с кровотечением. И тебе сброшу на мобилу, куда ехать. А пока отдыхай. Чао!

И он куда-то умчался. Фраза про Милочку полностью выбила меня из сна, и я тоже поднялась и пошла умываться. Надо привести себя в порядок, ведь опять придется куда-то ехать, придумывать нелепые версии... Я поглядела на часы: половина десятого, вновь ложиться в постель смысла нет, но и бродить по квартире, изматывая себя ревностью – тоже нелепо. Поеду-ка я в лучшем случае редакцию.

Но и там мне не сильно полегчало. Дениса на месте не было, зато была Дагния, с ненавистью бросившая мне:

– Ты и твой Золотухин навели панику на весь город. На-

ша секретарша уже рыдает – ей люди звонят беспрерывно, требуют защиты от эпидемии. Скоро редакцию начнут брать штурмом.

Она перевела дыхание и добавила:

– А артисты ТЮЗа начали увольняться после вашего визита. Так что скоро у нас и детского театра не будет.

– Думаю, они стали увольняться после гибели помрежа. – кротко возразила я. – Если бы у нас в редакции один за другим померли от непонятной заразы три человека, уверена, ты бы первая подала заявление по собственному.

– Я не паникерша! – отрезала Дагния и отвернулась.

Я села за свой стол и задумалась. Может, она права, и нам с Митяем не следовало трубить об эпидемии? С другой стороны, какой смысл прятать голову в песок? Похоже, болезнь все-таки заразная, и меры принять просто необходимо. Но... если она началась уже несколько месяцев назад в инфекционке, почему не заразился никто из медиков?

Зазвонил мой мобильник.

– Ленка, в общем, дело такое. – Митяй почему-то нервничал. – Актер умер от делирия, по-простому, от «белочки». Короче, допился до смерти. От чего погиб телеведущий, пока неясно, но точно не от инсульта. А вот молодая певица Совушка – наша клиентка, померла от инсульта. Сама понимаешь, со всеми вытекающими, в виде кровавого пота и носовых кровотечений. Так что трое инсультников найдено, непроясненным остался только один. Усекла расклад?

– Усекла. – растерянно ответила я.

– Так вот. Самую сложную работу я сделал. А тебе теперь надо поехать под двум адресам и поговорить с людьми, которые недавно выписались из инфекционки. Незадолго до выписки у них были носовые кровотечения.

– Всего двое? – удивилась я.

– Да больше их было, намного больше. – с досадой ответил Митяй. – Но бестолковые девчонки не могли точно вспомнить, у кого шла носом кровь, а у кого – нет. Вот двоих только и вспомнили.

Я про себя порадовалась, что он назвал Милочку бестолковой, и согласилась поехать по адресам.

– Щас сброшу всю инфу тебе на мыло. – бодро сказал Митяй и отрубился. И только тут я поняла, что не спросила – а что теперь будет делать он сам? Впрочем, вспомнила я, Милочка сегодня на дежурстве, поэтому вряд ли у них тайное свидание.

Экран монитора призывно пискнул, и я углубилась в чтение письма. Мне предлагалось поехать сначала к Торкину Владимиру Семеновичу, 45 лет, токарю высшего разряда, а затем к Морозовой Татьяне, 26 лет, продавщице бакалейного магазина. Оба недавно лечились от гепатита, и были выписаны из больницы несколько дней назад. Немного подумав, я решила нанести визит сначала Татьяне. Все же девушка, почти моя ровесница, наверняка с ней мне будет легче найти общий язык. К тому же, и живет она не так уж далеко от

редакции.

Я вышла из редакции и, чуть поежившись от резкого осеннего ветра, пошла к остановке автобуса, по пути продумывая, что мне сказать девушке, чтобы расположить ее к откровенной беседе.

Дверь мне открыла невысокая милая толстушка с очаровательной детской улыбкой. По ее круглому румяному лицу нельзя было даже заподозрить, что совсем недавно она излечилась от тяжелой болезни. Даже не спросив, кто я такая, она начала извиняться за свой слишком домашний вид:

– Ой, я тут по дому в таком затрапезном халате хожу, вы уж простите. Знала бы, что кто-то придет, разве ж накинула б этот халат! Я гостей только при полном параде встречаю. И волосы надо в порядок привести, а то чего это я такая нечесаная! А давайте вы в комнате подождете, пока я переоденусь? Я мигом!

И она куда-то умчалась. Я прошла в небольшую комнатку, все пространство которой было съедено старым бархатным диваном, глубоким креслом и огромным дубовым шкафом.

– Садитесь на диван, он только для гостей, а я сама в кресле посижу. – затараторили девушка, появляясь в комнате. Она уже успела переодеться в роскошный золотой халат-кимоно с красными и черными драконами. Ее длинные русые волосы теперь были заплетены в толстую косу и закручены кренделем вокруг головы.

Я села на диван и с интересом поглядела на девушку. Ко-

гда же она спросит о том, кто я и зачем пришла?

– А вы, может, морсику хотите попить? – девушка яркой бабочкой порхала по комнате. – А то у меня и компотик есть, вам что принести?

– Танечка, вы присядьте! – вырвалось у меня против воли, и я немного даже испугалась – вдруг девушка обидится за такую фамильярность? Но она лишь ласково улыбнулась в ответ, и присела на широкую ручку кресла.

– Ой, я так давно людей не видела, сижу тут взаперти, как дура, врачи говорят, нельзя еще на работу. – начала оправдываться она. – А мне поговорить с кем-нибудь охота, ну чего же я, с теликом беседовать буду?

– А я журналистка. – дождавшись первой же паузы, торопливо вставила я.

– Ой, как здорово! – она снова взвилась и начала метаться по комнате. – Вы у меня интервью брать будете? А о чем? О магазине нашем? Я там всего пару лет работаю, но все равно, столько всякого рассказать могу!

Я настороженно, как кот за мышью, следила за ней, готовясь вовремя вставить слово. А то ведь стоит пропустить нужную секунду, и все – поезд ушел. То есть Танечка опять тарыхтит, и фиг ее перебеешь. Но вот она сделала паузу, набирая полную грудь воздуха, и я торопливо сказала:

– Расскажите об инфекционке.

– О больнице? – она чуть погрустнела, вновь села на кресло и даже заговорила немного медленнее. – неприятно так

вспоминать. Я вся пожелтела вдруг, такая жуткая стала, раздутая... Я и так не худышка, а тут отекала еще, и тошнило все время, и сильно так, всю выворачивало прямо. И лицо такое желтое стало, и горячо, пот градом течет... Но когда мне сказали, что желтуха, я и не поверила сначала. А с врачами не поспоришь, пришлось в больницу ехать. А я даже в магазине не отпросилась. Первые недели там лежала, и так страшно было, просто жуть! У меня еще случай какой-то был тяжелый, я слышала, как врачи за дверью так и говорили, что я точно помру. Так волновались, что даже когда на поправку пошла, не верили до самого конца. Один даже домой ко мне недавно заходил, проверял, нет ли осложнений. А я себя чувствую даже лучше, чем до болезни. Хотя до желтухи еще другое было. Я была слишком... полной, вот что.

Она сделала крошечную паузу, затем снова вскочила и продолжала:

– А в больнице я зато худеть начала, вот! Я ж просто так не жрать не могу, сколько раз на диету садилась, а все равно кушать жуть как хотелось, я ночью к холодильнику вставала, всегда там колбаску держала на всякий случай. А в больнице холодильника нет, и колбаски нет... – она перевела дыхание. – Но мне и не хотелось там хомячить постоянно. Сначала от запаха еды даже тошнило, а потом просто аппетит пропал. И я, наверное, кило на десять там похудела! Видишь, это кимоно на меня раньше не влезало. Я его в магазине нашем мерила, а оно не сходилось на талии! – она кокетливо

хихикнула. – А после больницы я к врачу пошла, а по дороге смотрю, оно на манекене висит. Я забежала в магаз, попросила примерить – и оно сошло! Вот!

– У тебя там шла из носа кровь... – я попыталась свернуть реку ее красноречия в нужное русло.

– Да, было такое. – рассеянно согласилась Танечка. – Кааак хлынет! Я в крик, сестра прибежала, чем-то мне ноздри заткнула, я чуть не задохлась там. Но ничего, откачали.

Кажется, ничего путного выжать из девчонки все равно не удастся, грустно подумала я. Она жива и вполне здорова, а кровь шла, скорее всего, просто от высокой температуры. Танечка тархтела себе дальше, и я чисто для проформы вклинилась с очередным вопросом:

– А у тебя часто кровь из носа идет? Или от температуры?

– Да не было уже температуры. – не задумываясь, ответила девушка. – Я уже почти поправилась тогда. Не, кровь из носа никогда раньше не шла. Но я и желтухой раньше не болела.

И она весело затараторила дальше о том, как здорово оказалось похудеть, какую модную одежду она теперь себе купит, и о прочих глупостях. Я уже встала с дивана, готовясь прощаться, но она словно не замечала этого, самозабвенно рассказывая уже о какой-то своей подруге:

– Зинка вот стройная была с детства, потому и в жизни хорошо устроилась. К худым вообще отношение другое, им всюду дорога открыта. И мужики их любят, и профессора, и работу они любую выбрать могут, да хоть на телевиденье...

Вот вы стройная, потому и стали журналисткой, верно?

Я судорожно сглотнула, пытаясь придумать достойный ответ, но Танечка и не собиралась дожидаться, пока я приду в себя. После секундной паузы она продолжала:

– И я, когда похудею совсем, смогу уйти из дурацкого магазина, и на приличную работу устраюсь. Да хоть в секретарши пойду, к нормальному мужику. Я ж хорошенькая, когда не толстая, окручу его в два счета. Я не Зинка, конечно, она-то у нас умная, ей никто не нужен, чтобы в люди выйти. Я умным тоже всегда завидовала, но тут уж ничего не попишешь. Ну да девушке образование и ни к чему, а борщи я готовить такие умею, что любой пальчики оближет...

Я уже думала перебить девушку и откланяться, но вдруг она осеклась и как-то странно сжалась в комок.

– Холодно чего-то... Вам тоже холодно? – Танечка зябко поежилась, встала, вытащила из шкафа и накинула на себя теплый меховой жакет. Затем снова вернулась в кресло. – Хоть бы затопили поскорее, а то вымерзнем тут все. Завтра же калорифер куплю, буду сама комнату греть. Вам тоже кофту дать?

На мой взгляд, в комнате было скорее жарко. Но Танечка тряслась, словно от озноба, и даже жилет не спасал положение. Она поглубже вжалась в кресло, сильно побледнев и периодически вытирая рукой лоб. Но меня испугало даже не это, а то, что она внезапно перестала говорить. Это было слишком странно, и совсем на нее непохоже.

– Может, у вас температура? – забеспокоилась я. – Простыли?

– Да, в самом деле, сейчас померю. – она посмотрела на меня и попыталась улыбнуться. Но лицо словно не слушалось приказа мозга: правый уголок губ слегка приподнялся, зато левый резко опустился вниз. Прекратив попытки растянуть губы в улыбке, она невнятно прошептала: – Надо гааа-дусиик зять, голоаа боиит...

Девушка попыталась приподняться с кресла, но ноги подогнулись, и она упала обратно. В немом ужасе я смотрела, как на ее лбу выступает кровавая испарина. Она попыталась приподнять левую руку, но не сумела, кое-как дотянулась правой до лба, и розовые кровавые разводы изуродовали бледные щеки.

– Леааа, аачаа... – она все бормотала что-то, бессильно опуская голову на широкую ручку кресла. – Гоооааа болииит сильнооо... – внезапно она вскрикнула, дернулась всем телом и замерла.

От ужаса меня начал бить сильный озноб. Я попыталась встать с дивана, но ноги не слушались, и я в ужасе схватилась руками за лоб. Если руки окрасятся красным, мне конец! Но лоб был абсолютно сухим, и пальцы остались чистыми. Оставив попытки подняться, я схватила мобильник и набрала телефон Митя:

– Митенька, я тут у Тани... Она умерла!!! – дико заорала я прямо в трубку.

– Ох, б***! – видимо, я оглушила его своим криком, и какое-то время он не мог прийти в себя. – Лена, не истери! Что случилось?

– Таня умерла. – через силу выдавила я. – У нее выступил кровавый пот, и она умерла! Она сидит мертвая, прямо в кресле, и я сижу рядом!!!

Слезы холодным комом теснились в груди, но плакать я не могла.

– Так, понял. Сиди спокойно, я сейчас буду. – спокойно и размеренно сказал Митяй. Его уверенный тон слегка успокоил меня, и мне стало стыдно за свой испуг.

– Мить, может, «Скорую» вызвать? – неуверенно прошептала я.

– Вряд ли ей можно помочь. – резонно возразил Митяй. – Остальных же не спасли. Так что сиди тихо, и жди меня.

Приехал он минут через пять, но мне они показались вечностью. За это время я успела накрутить себя до предела. Я была в тесном контакте с умершей от странной инфекции девушкой. Наверное, я заразилась, и теперь через некоторое время у меня выступил кровавый пот, и я умру. А даже если нет – меня поместят в карантин, и я буду сидеть в инфекционке, в заточении, и ждать своей участи... К приходу Митяя я с трудом удерживалась от полномасштабной истерики.

К счастью, дверь за мной Танечка не закрыла, и Митяй вошел сам. Он быстрым взглядом окинул комнату и направился было к погибшей девушке, но я истошно заорала:

«Стой!», сорвалась с дивана и рванулась наперерез:

– Митя, это заразно! Я, наверное, уже заразилась, хоть ты к ней не подходи!

– Спокойно! – он крепко обнял меня, затем поднял на руки и вновь опустил на диван. – Ко мне зараза не липнет.

С этими словами он достал из кармана куртки грязный носовой платок и повязал себе на лицо наподобие маски. Затем подошел к Танечке и осторожно приподнял за ее голову. Я сжалась в комок и смотрела на окровавленное лицо и перекошенными в жуткой гримасе губами и одним широко открытым глазом. Второй глаз был прикрыт.

– М-да, похоже на инсульт. – констатировал Митяй. – И все те же симптомы – озноб, кровавый пот. Вот ведь фигня!

– Митенька, я заразилась, да? – пролепетала я с дивана.

В ответ он решительно сорвал с лица грязную повязку и сел рядом со мной.

– Ладно, помирать, так вместе.

– Митя, нас запрут в карантине? – жалобно прошептала я.

– Не думаю. – он сдвинул брови и на время погрузился в свои мысли. – Слушай, что-то мы делаем не так. И мне это надоело. Если так пойдет дальше, мы будем находить все новые трупы. И только.

– Что же делать? – от страха я совсем потеряла способность соображать.

– Предлагаю пойти ва-банк. – решительно сказал Митяй. – Сейчас звоню Валерке, и говорю, что Татьяну Морозо-

ву отравили. То есть что она сказала тебе, что ее хотят отравить, предупредила, что скоро умрет, и верно – на твоих глазах умерла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.